

Часть 1
МОЙ
ИДЕАЛЬНЫЙ
СМЕРЧ

*Шохзоде Рахмановой —
за ее поддержку, креатив и эмоции*

В шторм любая гавань — спасение.
(английская поговорка)

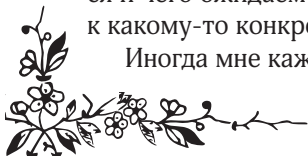
Если меня попросят описать этого человека, я, не задумываясь, тут же скажу все, что о нем думаю, мало того, я сделаю это с непередаваемым удовольствием. Бестактный, наглый, противный тип с идиотским чувством юмора и завышенной самооценкой. У него дурацкая улыбка, которую все девчонки находят обворожительной, детские ямочки на щеках, глупая татуировка прямо на шее и дар выводить из себя нормальных и порядочных людей. В голове у него ветер, на уме — гормональные глупости, а язык этого парня — самый главный враг не только его самого, но и всех, кто находится рядом. Одним словом, он — первостепенный болван и невежа. Кретин, короче, редкий.

Все это я выскажу на одном дыхании. Потом, сделав паузу и судорожно вздохнув, я, немного смутившись, добавлю, что вообще-то не все так печально. Частенько он бывает добрым, как прямой потомок Дедушки Мороза, заботливым, веселым и жизнерадостным. И только иногда бывает грустным, как осенний холодный дождик. Когда необходимо, он без страха высказывает свое мнение окружающему миру вслух и делает это так громко, что мир не только прекрасно слышит его, но и отвечает. Иногда этот тип и мир смеются вместе, как старые друзья, а остальные наблюдают за ними и... завидуют? Да, точно. Или по крайней мере удивляются его невероятному везению и удаче.

А еще этот парень до ужаса харизматичен. От него прямо-таки исходит аура животного магнетизма, которая привлекает к себе всех окружающих и плавно, почти незаметно, но твердо притягивает к нему. Тогда я изо всех сил пытаюсь не попасть под его обаяние. Потому что знала: как только я ему поддамся, у меня не хватит сил его обзывать и давать подзатыльники. Мой барьер, принимаемый другими за хамство и инфантильность, падет, и я влюблюсь в него. И тогда пропаду, точно пропаду! Ведь к тому же этот парень еще и очень симпатичен.

Да, он такой, мой молодой человек, и я не знаю, изменится ли он когда-нибудь или навсегда останется таким же разгильдяем-милашкой. Впрочем, это не так уж и важно. В те редкие моменты, когда он не выводит меня из себя, мне весело с ним и очень тепло — как в зимний предновогодний вечер под шерстяным пледом с чашкой ароматного горячего шоколада в руках. К тому же мы с ним официальная пара. А наши отношения не совсем адекватны, как и он сам. Не знаю, кем мы друг другу приходимся и чего ожидаем друг от друга. Я много размышляла над этим, но так и не пришла к какому-то конкретному выводу. И что мне делать — я не знаю.

Иногда мне кажется, что у меня очень странный парень. И странные отношения.

И не только мне. Окружающие в этом абсолютно уверены. Родственники твердят, что не понимают наших отношений, — они полностью убедились в правоте поговорки «любовь зла, полюбишь и козла», и вообще кого угодно. Правда, они без ума от этого человека, и «козлом» в данном случае считают меня, потому как не понимают, почему он выбрал меня в «любимые девушки».

Друзья упрямо твердят, что «среднестатистическая влюбленная пара не ведет себя так по-глупому смешно, задиристо и офигительно романтично одновременно». Хорошая половина его френдов и моих подружек уверена, что у нас «чувства навсегда», а оставшаяся часть искренне считает, что мы просто поиграем друг с другом и вскоре расстанемся.

Однокурсники же отчего-то считают, что наши отношения настолько свободны и легкомысленны, что каждый из нас может встречаться с кем угодно и в принципе делать все, что захочется. Однако они все равно не перестают умиляться, глядя на нас.

Если бы я смотрела на нас со стороны, мне бы не пришло в голову назвать нас влюбленными. Разве только в те неловкие моменты, когда нам приходится ходить, взявшись за ручки, и улыбаться друг другу. Но и тогда мы, скорее, напоминаем брата и сестру, пусть и непохожих внешне. Однако посторонние все равно считают, что мы встречаемся.

Ни у кого и мысли не возникает, что на самом деле мы никакая не парочка, пусть даже дико экстравагантная, а заложники сложившихся обстоятельств. Обстоятельства эти, впрочем, довольно-таки интересные и кому-то даже могут показаться забавными. И с тем, что все произошедшее — одна большая глупость, я согласна. Когда я вспоминаю обо всем, что с нами произошло, мне часто становится смешно, иногда чуть-чуть грустно и даже немного жаль, что ничто из этого больше не сможет повториться. Прошлое ведь не вернешь, так? И мне теперь остается только вспоминать обо всем и... улыбаться.

Началась вся эта история три года назад. Я не помню точных дат, и в памяти осталось лишь то, что время нашего знакомства выпало на удивительно теплый майский денек. Кажется, именно тогда солнце, с нетерпением ожидавшее наступления лета, решило наконец вытащить из запасников все свои многочисленные прозрачные песочно-желтые лучи и аккуратно опустить их на Землю, чтобы окончательно отогреть ее от холода.

Из-за диких пробок, затормозивших движение едва ли не на всех основных дорогах города, я опоздала на первую пару и была вынуждена почти сорок минут торчать в коридоре, ожидая ее окончания, — препод, читавший лекцию, терпеть не мог опоздавших. Поэтому мне оставалось лишь сидеть на широком подоконнике напротив двери в аудиторию, подставляя спину теплым солнечным лучам, и читать учебник по скучной философии. Ведь семинар по этой достойной научной дисциплине должен был состояться уже через пару часов, а я совсем не была готова.

Меня клонило в сон, но я, зевая, упорно продиралась через жуткие формулировки и невозможные понятия, а потом и вовсе зависла на размышлениях Цицерона о судьбе.

«Я признаю, что не от нас зависит родиться с острым умом или тупым, сильным или слабым. Но тот, кто из этого сделает вывод, что не в нашей воле даже сидеть или гулять, тот не видит, что за чем следует. Пусть верно, что рождение людей, талантливых или туподумов, крепких или слабых, вызвано предшествующими причинами, из этого не следует, что даже то, что они сели или пошли гулять, или делают что-то, тоже предопределено и предустановлено изначальными причинами»¹.

¹ Цицерон. Философские трактаты. / Пер. М. И. Рижского. Отв. ред., сост. и вступ. ст. Г. Г. Майорова. (Серия «Памятники философской мысли»). — М.: Наука, 1985.

Когда мне надоело читать, я украдкой смотрела в телефон — на фотографию человека, который был мне дорог. Снимок я сделала пару дней назад, на физкультуре, когда весь наш поток, а также куча ребят с факультета экономики, получив карту местности, носились по лесу в поисках табличек с нужными номерами. За определенное время нужно было найти и обежать все указанные в карте пункты и отметить на них. Это веселое времяпровождение называлось спортивным ориентированием и проходило в лесу, непосредственно около корпусов университета, расположенных на окраине города и окруженных с двух сторон высокими и массивными деревьями.

Итак, я смотрела в экран своего сотового телефона, любовалась улыбающимся лицом парня, который мне безумно нравился, и сама украдкой улыбалась ему в ответ. Фото получилось отменным. Никита — так звали объект моих симпатий — стоял напротив меня, засунув одну руку в карман. Второй рукой он в это время жестикулировал, разговаривая со своим другом. За три года безответной любви я узнала о Нике Кларском многое, очень многое, в том числе и то, что светловолосый высокий парень, носящий очки в тонкой оправе, — одноклассник Никиты и просто хороший приятель.

Мой милый ослепительно улыбался, чему-то радуясь, хотя обычно Никита не проявлял особо ярких эмоций, и его улыбка стала для меня своеобразным подарком. В тот момент он разговаривал с другом и совершенно не замечал того, что объектив камеры моего сотового телефона направлен прямо на него. Миг — и я стала счастливой обладательницей фотографии этого сероглазого очаровашки с широкими плечами и взглядом серьезного ангела.

Почему он был так счастлив, я, правда, не поняла, только слышала что-то вроде:

— Ты прикинь, Егор, я, наверное, дурак, что сначала не мог, но все получилось. И никакой конкуренции.

— А если бы она была, конкуренция?

— Тогда было бы хуже, — его смех в тот момент показался мне очень очаровательным. Хотя скорее он был предостерегающим.

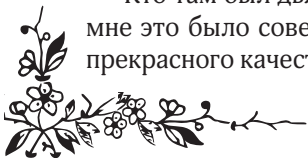
— Это так здорово, я даже и представить себе не мог! А сначала реально боялся, как мальчишка, а теперь... — у Ника не слишком громкий голос, а подойти ближе я не могла, поэтому, что его так осчастливило, не узнала.

— Ты даже сам на себя сегодня не походишь, — отвечал ему друг, поправляя очки на переносице. — Я рад, что все получилось!

И я была рада, хотя даже предположить не могла, о чем говорят эти двое. Если человек, которого я люблю и считаю своим персональным принцем, счастлив, то почему бы и мне не порадоваться за него, верно? Я бы в тот день еще долго радовалась, если бы физручка не позвала меня к себе и не заставила сдавать кросс, который все пробежали еще на прошлой неделе, когда я прогуливала ленту. Это мой последний кросс в универе — третий год обучения заканчивался, а вместе с ним я избавлялась и от «любимой» физкультуры. Ее курс занимал как раз шесть семестров. Последнее, что я услышала, перед тем как уйти следом за торопящейся преподавательницей, было неожиданно радостное приветствие второго физрука, дядьки вообще-то строгого и гневливого:

— Смотрите-ка, кто к нам пришел! Господин Баскетболист! Пошли, пошли со мной, дьяволенок, давненько я тебя не видел...

Кто там был дьяволенком, а кто господином, я так и не узнала. Да и в тот момент мне это было совершенно безразлично. Главное, у меня был вожделенный снимок прекрасного качества, ведь раньше Никиту я фотографировала криво-косо, размыто,

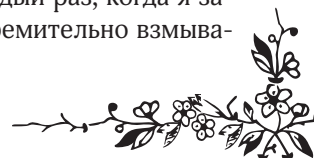
боясь, что он меня заметит, и, как следствие, ничего у меня не выходило. Зато теперь... Все было замечательно. Не удивительно, что я блестяще пробежала кросс!

Я была так счастлива, когда рассматривала это фото, что в автобусе не замечала ни толкучки вокруг, ни постоянных раздражающих пробок. Засмотревшись на снимок, я едва не пропустила собственную остановку. В тот день и спать спокойно я не могла — все любовалась на своего Ника, как помешанная фанатка на автограф кумира. Жаль, конечно, что при себе у меня не было цифрового фотоаппарата, тогда фотография получилась бы крупной и четкой и я бы распечатала и повесила ее себе на стену. Как когда-то в детстве развешивала постеры с изображением любимых звезд... Да, да, что бы ни говорили мои лучшие подружки-сестрички, учащиеся вместе со мной в одной группе, Никита Кларский для меня идеал. Полное совпадение во внешности, характере и мировоззрении. Лучший мужчина на свете. Ведь у каждого из нас есть свои идеалы, правда?

Конечно, у кого-то может возникнуть вполне резонный вопрос, почему же я до сих пор не встречаюсь с тем, кого считаю идеальным для себя парнем? Например, все те же мои приятельницы, частенько и очень нетактично намекающие, что я похожа на stalkера, не раз говорили мне, что раз уж я так хочу быть вместе с Никитой, мне следовало бы рассказать ему все о своих чувствах, а не заниматься молчаливым обожанием издала. К тому же пока у него не было девушки, а это, как повторяет одна из моих драгоценных подруг, Лида, «неоспоримый плюс, потому что пока он свободен, можно рассчитывать хотя бы на одно свидание!» Я и рассчитываю, вот только пока у меня как-то не очень с этим ладится. Но, отбросив все сомнения и страхи, я поставила перед собой задачу и уверена, что к четвертому-то курсу завоюю его.

Сказать-то, конечно, легко, но сделать это намного труднее. Мне при всем своем нелегком, горячем, как сковородка на печке, и даже эмоциональном характере не хватает смелости подойти к любимому человеку и признаться ему в своих чувствах. Даже на большее, чем «Привет, как дела?», меня не хватает, ведь мы едва знакомы. И знакомство наше организовала Лидия, зная, как оказалась, одного из Никитиных сокурсников с эконома. Поймав момент, когда ее знакомый стоял около аудитории в ожидании начала лекции, подруга подошла поздороваться, а заодно познакомила со всеми стоящими парнями и меня. Хотя я вроде смелая и даже боевая, но, находясь так близко к собственному идеалу, жутко застенялась. Еще бы, тогда у меня впервые появилась возможность пообщаться с этим парнем! Потом этих возможностей было еще несколько (подстроенных, естественно), но ни свое красноречие, ни веселый нрав я так и не проявила.

Вообще мы учимся на разных факультетах и почти никогда не пересекаемся. Однако в этом году физкультуру нам сделали общей парой, и теперь я могла подойти к нему совсем близко. Тем более что наши группы занимались на площадках, расположенных недалеко друг от друга, а спортивному ориентированию мы и вовсе обучались все вместе, большой кучей. Иногда еще я встречала Ника в коридорах, в столовой, в библиотеке и даже на крыльце, у входа в здание университета, где он иногда стоял со своими друзьями. Изредка видела его рядом со своим сумасшедшим приятелем-однруппником Димкой Чащиным. Кстати, Никиту я впервые увидела именно тогда, когда он разговаривал с Димой на крыльце университета. И каждый раз, когда я замечала Кларского, мое сердце радостно екало, а настроение стремительно взмывало под облака.

Именно по этой причине, чтобы взбодриться, я отрывалась от чтения нудной книженции по философии и разглядывала фото Ника. И это очень помогало мне в попытках собраться и сосредоточиться.

«Если пороки могут произойти от естественных причин, то их искоренение и полное уничтожение — так, чтобы тот самый человек, который был склонен к таким порокам, полностью от них избавился, — зависят уже не от природных причин, а от нашей воли, старания, упражнения (disciplina); и все эти вещи потеряют всякое значение, если на основании дивинации подтвердятся сила и природа судьбы»¹.

Я оторвалась от очередной цитаты Цицерона, вновь посмотрела в темно-серые глаза Никиты и улыбнулась, проведя ярко-желтым ногтем по экрану мобильного. Я и не подозревала, что с другой стороны коридора ко мне приближается самое настоящее несчастье (а может быть, и счастье, ведь это чучело было и остается везунчиком по жизни!). И оно не просто шло, оно катилось на всех парах, привлекая к своей персоне внимание тех, кто находился в коридоре, улыбаясь направо и налево и приветствуя многочисленных знакомых. Немного позже я поняла, что у этого дружелюбного психа каждый второй студент состоит в друзьях, готовых отдать за это залихватское чудо-юдо с татушкой на шее последнюю рубашку или любой другой предмет гардероба, хоть те же трусы.

Вообще-то я много слышала о нем, студенте четвертого курса факультета иностранных языков. Как человек общительный, я живо интересовалась окружающими людьми, к тому же назвать меня букой, затворницей или серой мышкой никто бы не смог, даже если бы очень захотел это сделать.

Да, я часто видела его, несмотря на то что наши факультеты находились на разных этажах большого здания. Встречала на разных студенческих сборищах, где он был самой настоящей звездой, ярко проявляя себя — от КВН и спортивных мероприятий до олимпиад и различных молодежных проектов. Как-то пару раз я болела за нашу университетскую команду по баскетболу, честь которой вполне себе успешно защищал этот парень, каким-то самым неведомым образом умудряясь забрасывать мячи в корзину. Помнится, мне очень нравилось, как он играет, но совсем не нравилось поведение его болельщиц. Да, представительницы женского пола очень трепетно относились к этому парню. Я постоянно слышала восторженные отзывы девчонок, которые ну просто до колiek в неприличном месте хотели встречаться с ним. Да и многие ребята считали незазорным пожать ему руку при встрече. «Свой чувак», «правильный пацан», «классный парень» — так они называли этого харизматичного brunетика с лицом прославившегося актера, который с легкостью взобрался на Олимп, носящий гордое название Голливуд и покорил там всех своим актерским талантом и обаянием. Его любили девушки и уважали не только парни, многие вполне себе взрослые люди тоже пали жертвой его обаяния.

Его звали Денисом, правда, мало кто пользовался полным именем, Дэн, Дэнни, Дэнв — так его чаще всего называли. Да и кличек у него было множество: шутивая — Лаки Бой, идиотская — Счастливчик Дэнв, грозная — Смерч (это потому что фамилия у него такая — Смерчинский, а вовсе не потому, что он силен, как атмосферный вихрь, сметающий все со своего пути со скоростью 150 км/ч). Ветреный и красивый весельчак, который не зря был назван неведомыми мне родителями Денисом в честь

---

¹Цицерон. Философские трактаты. / Пер. М. И. Рижского. Отв. ред., сост. и вступ. ст. Г. Г. Майорова. (Серия «Памятники философской мысли»). — М.: Наука, 1985.

древнегреческого бога виноделия и веселья. Словно бог Дионис, парень имел широкую известность как в университетских кругах, так и за их пределами. А все потому, что этот придурок жил, как самый настоящий ветер. За день он умудрялся побывать и здесь, и тут, и там, и даже где-то там, куда, казалось бы, нога человеческая еще не ступала... Поэтому все о нем всё и знали.

Таким он был, этот Смерчинский, и я частенько видела его и слышала хвалебные отзывы о его персоне, но никогда особо не обращала на него внимания, разве что за исключением любимого мною баскетбола, понимая, что всюду есть свои «знаменитости», а мне по нраву больше «андеграунд».

В общем, я спокойно себе сидела на подоконнике, болтая ногами взад-вперед, как первоклашка, а мальчик-ветер вышагивал прямо посередине коридора, улыбаясь во весь рот. Я бы и не заметила его, и, может быть, даже не вспомнила о его существовании до самого выпуска, но он заметил меня сам. И, распрощавшись с панковатого вида дружками — при прощании он умудрился щелкнуть одного из них по лбу с потрясающим звоном, — направился в мою сторону.

— Привет, я к тебе, — дружелюбно сказал Дэн, усаживаясь рядом на подоконник, при этом даже слегка потеснив меня. Мой оранжево-черный рюкзак парень, ни капельки не стесняясь, сбросил на пол, отправив туда следом и свой собственный. Разрешения он, естественно, не спрашивал. Пришлось отодвинуться. Не хотелось мне сидеть, плотно касаясь плечом незнакомого молодого человека со смазливой мордашкой и растрепанными темно-коричневыми, цвета горького шоколада, волосами. Ну не люблю я понятия «шатен» или «русый», слишком уж они для меня размыты, поэтому и определила цвет его хаера как шоколадный. А волосы у него, кстати, были прикольными: густыми, здоровыми, немного волнистыми, спадающими длинными прядями на шею и закрывающими пол-лба.

— Привет, — с некоторым изумлением оторвалась я от учебника по философии и в упор посмотрела на пришедшего. Надо было не разговаривать с этим весельчаком, а бежать куда подальше, но... Что вышло, то вышло. — Чего тебе?

С остальными парнями, особенно с теми, кто не был похож на моего любимого Никиту, я не церемонилась ни капельки. Может быть, именно поэтому у меня к третьему курсу университета все еще не было нормальных отношений с противоположным полом. Мне хотелось встречаться с Ником или кем-то, кто хотя бы отдаленно напоминал его. Однако такой парень мне пока не встретился, а ходить на свидания с тем, кто не вызывает во мне симпатии, совсем не хотелось. На таких встречах было скучно. Нет, было мегаскучно!

— Меня зовут Дэн, — представился непрошенный гость, отобравший у меня половину подоконника, который моя пятая точка успела занять гораздо раньше, между прочим! — Я с иныза.

— И? — не могла понять я, чего он хочет от меня. Наверное, на лбу у меня появился большой вопросительный знак.

— И-и-и... — он оттянул паузу, как это делают профессиональные ведущие на ринге. — Я хотел бы знать твое имя. Это ведь не тайна? — источая нечеловеческое дружелюбие, поинтересовался парень. Приятный у него голос, однако, проникновенный такой, тембр слегка вибрирующий, интонированный. Голос, как у профессионального манипулятора. Или жулика. — Итак? Your name?

— Ну, Маша, — коротко ответила я, с удивлением глядя на молодого человека.

— Отлично, Мария! Библейское имя. Кстати, оно означает «желанная». А некоторые источники говорят, что «горечь», — продемонстрировал он мне свою эрудицию. — А учишься ты на...

— На «отлично», — не моргнув глазом, соврала я, заядлая троечница, которая пятёрками перебивалась исключительно редко: только по тем предметам, которые вызывали во мне интерес. Ну и везло мне иногда. Да и списывать я мастак.

— Это здорово. Я тоже отличник, — вновь улыбнулся Денис, закидывая ногу на ногу. Моя нога была закинута в ту же сторону, да и левая рука так же подпирала подбородок — сидели мы идентично. Тогда я не придавала этому значения и только спустя какое-то время поняла, что Мистер Смерч неосознанно повторяет жесты и движения людей, чтобы войти к ним в доверие. Так же бессознательно он запоминает и постоянно употребляет в разговоре имена собеседников. Он никогда их не путает и не забывает, словно его мозг с рождения знает, что самое сладкое слово для человека — его имя, произнесенное вовремя.

— Отличник? Поздравляю, — буркнула я.

— Спасибо, — без всякой издевки поблагодарил он в ответ.

— Да пожалуйста.

Красивый, популярный, приятный, так еще и умный. Где справедливость в этом мире? У многих нет ни того, ни другого, ни третьего. Нет, я не про себя — себя-то я считаю великолепной очаровашкой, просто характер у меня сложный, а так я вполне мила и симпатична. Когда не злюсь, не туплю, не упрямясь и не дурачусь. А делаю я это часто. Впрочем, неважно...

— Я рад за твои оценки, но у меня немного другой вопрос, Маша. Не про то, как ты учишься, а где?

— На пятом этаже, — с раздражением ответила я, не понимая, чего от меня хотят. Сейчас мы находились на первом, поскольку наша пара проходила в одной из самых больших аудиторий университета, расположенных как раз на этом этаже.

— А я на втором, — засмеялся Смерч, услышав мой ответ. — Ты ведь с факультета искусствования?

Надо же, знает, откуда я. Интересно...

— Да, с него, родимого. А откуда инфа?

— Кафедра рекламы и социально-культурной деятельности, 32-я группа? — продолжал дальше свои странные расспросы Дэн.

— Вообще-то да, а как ты догадался? На мне ведь это не написано, — тут же заинтересовалась я.

В голову, звеня весенними колокольчиками, влетела мысль в виде зеленого головастика, сжимающего в неизвестно откуда взявшихся руках транспарант: «Я ему нравлюсь, что ли?!» Навстречу зеленому поплыл, виляя хвостиком, фиолетовый. В его лапках качалась из стороны в сторону табличка: «О да, мечтай».

Но что ему в таком случае нужно?

Конечно, у меня есть Никита, и я его не променяю ни на кого, но тот факт, что такой видный парень мною интересуется, окрыляет...

— Я волшебник, — он подмигнул мне. Вот черт, а ресницы у него тоже коричневые, но чуть светлее волос, и длинные, как у Барби! По крайней мере длиннее моих собственных. Раза в два. Может, он их наращивает?

— Волшебник, который все еще учится? — вспомнился мне знаменитый советский фильм.

— Нет, который сам всех учит, — серьезно отвечал парень и в доказательство хлопал себя по груди.

— Да?

— Да. Кстати, волшебник становится плохим. — Миг, и на его лице вновь появилась очаровательная улыбка, а на щеках — ямочки, как у ребенка. Нашкодившего такого.

— И что плохой волшебник желает узнать от обычной простолюдинки? — решила я покочетничать в кои-то веки. Настроение ползло вверх. Теперь в голове летали искрящиеся вывески: «Он с тобой заигрывает!»

— Волшебник хочет узнать кое-что интересное.

— Тайну? — чуть изогнула я брови, пытаясь быть милашкой.

— Да, тайну, — понизил голос Дэн.

Хм, а у него и правда, как девочки говорили, спереди, на шее есть черно-синезеленая татуировка — ее слегка видно из-под горла водолазки... Я тоже тату хочу, только меня за него мама пристрелит. Она недавно узнала, что у меня проколот пупок (я сделала это тайно еще год назад), так чуть не убила бедную меня. Непрогрессивные предки — это скучно... Однако маме все же пришлось смириться с моим пирсингом. Правда, мне теперь хочется еще и бровь проколоть.

— Которую хранит старая противная ведьма? — состроила я Дэну глазки.

— Нет, скорее, заколдованная ею принцесса, — его голос стал совсем тихим и еще более проникновенным.

Ух ты, меня еще никто, кроме родителей, принцессой не называл, да и то они величали меня так только в далеком детстве, сейчас я все больше «лентяйка» и «невежа».

— Принце-е-сса? — растягивая гласные на манер актрис из сериалов, переспросила я, глядя на парня.

— Да. Милая, нежная и прекрасная, — Дэн игриво толкнул меня плечом. — Маш, короче, помоги мне.

— Я? В чем? — я опустила ресницы, опять-таки вспомнив какой-то сериал.

— Разгадать загадку. Загадку принцессы. Поверь, тебе это тоже пригодится.

— Ну, помогу, — всегда тянуло меня помогать кому попало.

— Обещаешь? — заглянул он мне в глаза. Так доверчивые хаски смотрят на своих хозяев.

— Обещаю, — сказала я в предвкушении. Неужели признается в симпатиях? Вот ведь финиш! Девочки из группы и подружки умрут от зависти! Конечно, я не приму его чувств, зато какой повод для гордости. Так и вижу, как моя самооценка в виде расправившего крылья орла взлетает вверх... Вверх... В небеса...

— Точно?

— Да точно-точно. Я всегда свое слово держу! У любого в моей группе спроси: «Исполняет ли Маша свои обещания?», и тебе скажут, что да! — выпалила я. — Кстати, я в группе одна Маша, на удивление, так что ни с кем не перепутаешь.

— А ты прикольная, — заявил Денис, еще немного оттесняя меня к стене.

— Чем? — даже слегка застеснялась я и поправила выпавшую из-за уха короткую светло-русую прядку волос. На стрижку каре меня уговорила экспериментаторша Маринка, сама же стригла и сама же успокаивала меня после того, как я посмотрелась в зеркало. Лиде было очень смешно. После мы втроем пошли в салон, где мою прическу приводили в порядок профессионалы.

— Поведением. Думаю, с тобой будет весело, — не стал подробно останавливаться на моем «приколизме» Денис. Голос его стал вновь проникновенным, и он сказал задумчиво: — Мария, я к тебе по делу.

— По учебе? — кокетливо посмотрела я на молодого человека, сидящего рядом. Интересно, когда я ему понравиться-то успела? Мы незнакомы ведь.

— Оно не связано с учебой. Я просто хотел задать вопрос, который поможет разгадать мне тайну. Спрашивать?

— Ага, спрашивай.

— Точно?

— Да-да.

— Ответишь? — он лукаво улыбнулся.

— Давай уже, говори, — в предвкушении я расправила плечи и уставилась на него, как голодная кошка на литр свежей деревенской сметаны. Ну и денек!

— Ольга Князева — она учится с тобой в одной группе? Так? — посмотрел мне прямо в глаза Дэн.

— А?

Плечи мои опустились, взгляд потух. Не поняла...

— Оля Князева, — повторил он. Видя мое изумление, добавил: — Высокая, длинноволосая, голубоглазая девушка, у нее...

— Я знаю, кто такая Князева, что ты мне ее описываешь, — оборвала я парня. Гордый орел камнем пошел вниз. Обманщик смазливый, я-то думала, он про меня что-то захочет узнать! А он про другую... Так было бы еще про кого!

Князева Оля. С виду самая обычная девушка, немногословная и в меру симпатичная. С ней мы никогда не дружили, но и не ссорились — наше общение было нейтральным и сводилось оно к обыденным приветствиям и вежливым фразам. Не скажу, что я была без ума от этой уравновешенной девушки с манерами английской леди и чистым голубоглазым взглядом, она казалась мне скучноватой и слишком правильной, но могу сказать, что человек она в принципе неплохой. Спокойная, даже незаметная, с плавными движениями и негромкой речью. Ольга не слишком много общается с одноклассниками, дружит только с одной девочкой. Для меня она — воплощение ангелочка с тихим характером и скромным нравом. Во внешности у нее нет ничего супернеобычного, а косметикой Князева не злоупотребляет. Ее плюсы — тонкая фигурка, длинные густые светлые волосы и правильные, но невыразительные черты лица — такие нужно подчеркивать косметикой. В общем, она не фотомоделль, но далеко и не уродина. Не умная, но и не глупая. На мой вкус — чересчур спокойная и «сладкая», как ванильно-клубничный сироп.

И этот парень, любимчик всего универа, интересуется какой-то Князевой, обманув мои лучшие ожидания? Вот же... козлик! Мое расположение к нему как ветром унесло — куда-то туда, куда упала и гордость-орел, и я мрачно взирала на студента иныаза, едва ли не сжимая кулаки. Вот так облом он мне обеспечил!

— Маша, ты обещала помочь, — дружески произнес Дэн, глядя на меня с легкой дружелюбной улыбкой. То ли не понимал, что со мной происходит, то ли делал вид. — Мне ведь нужно разгадать загадку принцессы Ольги.

— Князева — принцесса? — едва ли не прошипела я в порыве злости. Ага, только ненастоящая, принцесса-оборванка. Непонятно, почему я вдруг обозлилась. Наверное, всему виной дурацкая гордость.

— И мне нужна разгадка ее тайны, — косвенно подтвердил мои слова этот бездельник.

— Какая у нее тайна? — еще больше осерчала я, хотя старалась говорить спокойно. Меня вообще очень легко можно вывести из состояния равновесия — вспыхиваю вмиг. Правда, обычно и отхожу быстро.

— Женская, — пожал плечами брюнет. — У каждой девочки она есть.

— Чего? — в непонятках уставилась я на шутника. То ли он прикалывается, то ли всерьез так говорит.

— Маша, раз ты всегда держишь свое слово и обещала помочь... дай мне номер телефона Оли? Расскажи о ней побольше. Это ведь в твоих интересах.

В моих интересах? Номер телефона? Рассказать побольше? Это несправедливо!

— У меня его нет, — резко отозвалась я, отворачиваясь. — И вообще на мне не написано, что я профессиональная сваха.

Следующие слова господина Смерчинского добились меня еще больше.

— Достань у кого-нибудь. Подружись с ней.

— А сам достать не можешь?

— Не-а, — отозвался он задумчиво и повернул голову в сторону двери, ведущей в аудиторию, в которой находилась моя группа.

— Почему? Говорят, ты парень-рубаха, — ядовито произнесла я, — подкати к своей принцессе да спроси.

— Я не могу, стесняюсь, — извиняющимся тоном произнес Дэн.

— Да ну? — не поверила я. — Ко мне вот за помощью обратиться не постеснялся, а ведь мы незнакомы. А со своей принцессой поговорить стесняешься. Что-то ты на скромняшку вообще не тянешь!

— На самом деле у меня есть ее номер телефона, прости, я тебя обманул. Пошутил, точнее, — извинился парень и выдал такое, что заставило меня крепко удивиться. — Я хочу, чтобы ты с ней подружилась.

— Подружилась? Иди в баню, шутник! — градусы на моем «обозломере» поползли вверх. Прикалывается, что ли? Или разыгрывает? Кто его знает, этого элитного студента. Может быть, это его хобби такое?

— Тише, не кричи так, нас все услышат, — приложил палец к губам Смерч.

Я негодуяще уставилась на парня. Чужое мнение меня не особо волновало. А вот тот факт, что я могла стать жертвой чужого розыгрыша, — очень даже.

— Да пусть слышат!

— Эй! Так нечестно, я же тебе душу раскрыл! — возмутился он, не скрывая улыбочки.

— Вот так вот подошел к первому встречному и раскрыл? Ты за кого меня держишь, мальчик? — я знала, что между бровями у меня появилась грозная вертикальная складка, — она всегда появляется, когда я злюсь.

— Ты не первая встречающая, Маша. И не кричи ты так, я не хочу, чтобы люди знали. Здесь кругом мои знакомые.

В подтверждение его слов появившийся в полупустом коридоре парень в спортивном костюме издали кивнул Денису, подошел к нему вразвалочку и крепко пожал руку.

— Как дела, Дэнв? — поинтересовался любитель спортивных костюмов.

— Все отлично! Рад тебя видеть! Как твоя нога?

— В порядке. Теперь возвращаюсь на тренировки. А это твоя новая девушка? — посмотрел на меня заинтересованно второй молодой человек. Я сморщила нос.

— Это мой друг, — расхохотался Денис и к моей полной неожиданности положил руку на мое плечо, а рука у него была чуть ли не железная или там чугунная, потому как сбросить ее я не смогла.

Кстати, со временем я поняла, что фраза «это мой друг» — одна из наиболее часто произносимых Смерчем.

— И как зовут друга? — тут же полюбопытствовал спортсмен.

— Маша меня зовут, — отозвалась я, до сих пор не понимая происходящего и не оставляя попытки избавиться от руки Смерчинского на моем плече.

— Просто Маша неинтересно, — заявил Денис, — так ведь, Слав? Маш много, а ты одна. Какая у тебя фамилия?

— Зачем тебе моя фамилия? — с большим подозрением посмотрела я на идиота, нежданно-негаданно прицепившегося ко мне.

— Ну, скажи, Ма-а-аш... — с детскими интонациями опять попросил он.

Ощущение того, что меня разыгрывают, усилилось, и я стала еще больше нервничать.

— Он ведь все равно узнает, — добавил Слава, посмеиваясь. — Вы, наверное, с недавних пор друзья, поэтому ты еще не знаешь, как этот парень умеет доставать.

— Мы не друзья, но я уже предполагаю, что это его хобби, — отозвалась я, краем глаза глядя на свои большие наручные часы, — перемена начиналась уже совсем скоро. Отвязаться бы скорее от этих двух типов и свалить на следующую пару. Купидоном для Князевой, пусть она мне даже ничего плохого и не сделала, я быть не собираюсь. И вообще почему я? В нашей группе полно народу, который с куда большей радостью, чем я, поможет нашей университетской гордости.

— Хочу знать твою фамилию, — заело Дениса, — ты ведь обещала мне помочь, а теперь берешь свои слова обратно? Так нечестно!

— При чем здесь мои фамилия и слова? Отвяжитесь от меня оба, ребятки.

Я вскочила на ноги. Денис тут же легко поднялся с подоконника следом за мной. На мое место тут же уселся Слава, с любопытством глядя на нас.

— Говори уже, давай, — с улыбкой ткнул меня в плечо пальцем Денис.

— Отстань, — буркнула я, все еще злая на то, что «принцессой» оказалась какая-то там Князева.

Я, подняв уже с пола свой рюкзак, собралась уйти, как услышала монотонную речь Дэна:

— Абрамова, Аскольдова, Барсова, Бурундукова, Ватагина, Дроздов — а нет, это мужская фамилия, Ермаковская, Железнова, Истенко — не знаю, парень или девушка, Каримова, Кинская, Климовских — не знаю опять же, он это или она, Князева — ну это точно не ты, Ларина, Лесникова, Мясоедова...

Я остановилась и в некотором шоке оглянулась — он стоял, скрестив руки на груди, глядя на светло-голубую стену впереди себя, и произносил вслух такие знакомые мне фамилии, абсолютно никуда не подглядывая. Как будто бы с невидимого листочка читал. Слава, который совсем ничему не удивился, достал из кармана спортивного костюма плеер и с независимым видом стал слушать музыку, засунув один из наушников-капелек в ухо.

А я продолжала смотреть на Смерчинского во все глаза. Почему же я была в шоке? Да потому что Лаки Бой наизусть проговаривал фамилии студентов из моей группы, в алфавитном порядке и не ошибаясь. Было чему удивиться!

— Нуркович — опять же не знаю, кто это, Окунева, Рудакова, — продолжал парень, вопросительно глянув на меня.

— Эй! Эй! Стоп! Откуда ты знаешь тех, с кем я учусь? — ошарашенно спросила я. Что не так с этим человеком?

— Какая из этих фамилий твоя? Я просто перечисляю, — пожал он плечами, — Румянцева, Та...

— Стой! Ты что, выучил наш список, что ли? — безмерно удивилась я. — Зачем?! Ты в своем уме?

— У него память офигенная. Раз увидел — надолго запомнил. Да скажи ты ему фамилию, быстрее отвяжешься, — подал голос высоченный Слава, покачивая ногой в большущей кроссовке в такт музыке.

— Бурундукова я, — пришлось ответить мне, и я с некоторым вызовом посмотрела на темноволосого парня. Лицо Дэна тут же посветлело — он явно обрадовался. Какой непосредственный тип.

— Классно! Мария Бурундукова... Бурундук, отлично! — непонятно чему обрадовался он. — Я никого еще не знаю с такой фамилией. А моя — Смерчинский, ты, наверное, слыш...

— Как ты меня назвал? — сжала я кулаки, тут же вспомнив детство, когда глупые мальчишки дразнили меня именно так, а я ревела во весь голос, кричала взрослые ругательства или же, в особо трудных случаях, звала на помощь старшего брата-боксеры — и это всегда действовало. — Повтори?

Денис переглянулся со Славой, и они весело расхохотались в два голоса. Я, как озлобленный гоблин, взглянула на этих двух питекантропов, нервно, взявшись за лямки, встряхнула рюкзак на плече и зашагала в сторону, пылая от праведного гнева. Сначала обломали с романтикой, понизили самооценку, сейчас стебуются. Отличное начало дня! Еще и философия совсем не запомнилась. А меня наверняка заставят отвечать на семинаре!

— Эй, Маша! Ты что, обиделась? — неведомо как нагнал меня Дэн. Я даже и не заметила, как он вдруг бесшумно, как ниндзя, возник у меня перед глазами, ловко вынырнув из-за спины. Пришлось остановиться.

— Отстань от меня.

— Ну что плохого быть Бурундуком? — удивленно произнес Смерч, едва сдерживая улыбку.

— А что плохого быть Сморчком? — исподлобья взглянула я на него.

— Сморчком? — поднял брови Денис.

— Смерчинский-Сморчинский-Сморчок! — выдала я ему с тайным злорадством, понимая, что мы устроили детский сад. — А еще Смердяком могу назвать. Ладно, пока.

Я вновь попыталась обогнуть его, однако потерпела фиаско. Смерч встал совсем близко — стоило мне лишь чуть-чуть протянуть полусогнутую руку и я смогла бы коснуться его плеча.

— Я думал, ты сможешь мне, — печально вытянулось лицо у этого клоуна. Мимика у него, конечно, ничего. Дэн наклонился ко мне близко-близко, обхватив предплечья руками, так, что я могла рассмотреть его ресницы и темно-синие, очень глубокого цвета глаза. Необычные глаза, яркие, запоминающиеся и... странно это говорить — добрые. Глаза человека, которому можно доверять. В голове ни с того ни с сего проскакала очередная мысль-головастик на единороге: *«Такие, как он, могут вернуть моду на хороших парней».*